

Болото — эпизод 5 из 8

Изба у Степана была большая, но закопченная, пустая и холодная и потому производила впечатление заброшенного, нежилого места. Вдоль двух темных бревенчатых стен, сходясь к переднему углу, шли узкие и высокие дубовые скамейки, неудобные ни для лежания, ни для сиденья. Передний угол был занят множеством совершенно черных образов, а вправо и влево висели, приклеенные к стенам хлебным мякишем, известные лубочные картины: страшный суд со множеством зеленых чертей и белых ангелов с овечьими лицами, притча о богатом я Лазаре, ступени человеческой жизни, русский хоровод. Весь противоположный угол, тот, что был сейчас же влево от входа, занимала большая печь, разъехавшаяся на треть избы. С нее глядели, свесившись вниз, две детские головки, с такими белыми, выгоревшими на солнце волосами, какие бывают только у деревенских ребятишек. Наконец у задней стены стояла широкая, двухспальная кровать с красным ситцевым пологом. На ней, далеко не доставая ногами до пола, сидела девочка лет десяти. Она качала скрипучую детскую люльку и с испугом в огромных светлых глазах глядела на вошедших.

В углу, перед образом, стоял пустой стол, и над ним на металлическом пруте спускалась с потолка висячая убогая лампа с черным от копоти стеклом. Студент присел около стола, и тотчас же ему стало так скучно и тяжело, как будто бы он уже пробыл здесь много-много часов в томительном и вынужденном бездействии. От лампы шел керосиновый чад, и запах его вызвал в уме Сердюкова какое-то далекое, смутное, как сон, воспоминание. Где и когда это было? Он сидел один в пустой, сводчатой, гулкой комнате, похожей на коридор; пахло едким чадом керосиновой лампы; за стеной с усыпляющим звоном, капля по капле падала вода на чугунную плиту, а в душе Сердюкова была такая длительная, серая, терпеливая скука.

Поставь нам самоварчик, Степан, и взбодри яишенку, приказал Жмакин. Сейчас, батюшка Егор Иванович, сейчас, засуетился Степан. Марья, неуверенно обратился он к жене, как бы ты там постаралась самовар? Господа будут чай пить.

Да уж ладно. Не толкись, толкач, с неудовольствием отозвалась Марья. Она вышла в сени. Землемер покрестился на образа и сел за стол. Степан поместился поодаль от господ, на самом краю скамейки, там, где стояли ведра с водой.

А я думаю себе, кто такой кричит? начал добродушно Степан. Уж не лесничий ли наш? Да нет, думаю, куда ему ночью, он ночью и дороги сюда не найдет.

Чудной он у нас барин. Непременно чтобы ему лесники ружьем на-караул делали, по-солдатски. Первое для него удовольствие. Выйдешь с ружьем и, конечно, рапортуешь: Ваше-скородие, во вверенном мне обходе чернятинской лесной дачи все обстоит благополучно... Ну, а, впрочем, барин ничего, справедливый. А что касасемо, что девок он портит, ну это, конечно, не наше дело...

Он замолчал. Слышно было, как рядом, в сенях, Марья со звоном накладывала угли в самовар, как на печке громко дышали дети. Люлька продолжала скрипеть монотонно и жалобно. Сердюков вгляделся внимательнее в лицо девочки, сидевшей на кровати, и оно поразило его своею болезненною красотой и необычайным, непередаваемым выражением. Черты этого лица, несмотря на некоторую одутловатость щек, были так нежны и тонки, что казались нарисованными без теней и без красок на прозрачном фарфоре, и тем ярче выступали среди них неестественно большие, светлые, прекрасные глаза, которые глядели с задумчивым и наивным удивлением, как глаза у святых девственниц на картинах прерафаэлитов.

Как тебя зовут, красавица? спросил ласково студент.

Большеглазая девочка закрыла лицо руками и быстро спряталась за полог. Боится. Ну чего ты, глупая? сказал Степан, точно извиняясь за дочь. Он неловко и добродушно улыбнулся, отчего все его лицо ушло в бороду и стало похоже на свернувшегося клубком ежа. Варей ее звать. Да ты не бойся, дурочка, барин добрый, успокаивал он девочку.

И она тоже больна? спросил Николай Николаевич.

Что-с? переспросил Степан. Густая щетина на его лице разошлась, и опять из нее выглянули добрые усталые глаза. Больная, вы спрашиваете? Все мы тут больные. И жена, и эта вот, и те, что на печке. Все. Во вторник третье дитя хоронили. Конечно, местность у нас сырая, эта главное. Трясемся вот, и шабаш!..

Лечились бы, сказал, покачав головой, студент. Зайди как-нибудь ко мне в Сердюковку, я хины дам.

Спасибо, Микололай Миколоаевич, дай вам бог здоровья. Пробовали мы лечиться, да что-то ничего не выходит, безнадежно развел руками Степан. Трое вот, конечно, умерли у меня...